

Оглавление¹

Подсекция «Классическая филология»

<i>Кувбидя К.</i> Semantic features of compound adjectives of the type <i>ba-huvvīhi</i> in the epos of Homer.....	270
<i>Смирнова А.С.</i> Образ и функции судьи в амебейном агоне буколической поэзии.....	270
<i>Солнцева И.В.</i> Трактровка Коринфской войны в диалоге Платона «Менексен».....	272
<i>Сорокина Н.С.</i> Использование производных от топонима <i>Sicilia</i> в латинском языке.....	276
<i>Субботская Н.Е.</i> Вопрос об авторстве и структуре раннехристианского гимна « <i>Te Deum</i> ».....	277
<i>Филиппов В.В.</i> Комедия Плавта «Ослы (<i>Asinaria</i>)» в переводе А.Н. Островского. К истории вопроса.....	279

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Semantic features of compound adjectives of the type bahuvrihi in the epos of Homer

Kuybida Khristina

Postgraduate student, Lviv National Ivan Franko University, Lviv, Ukraine

The wide use of compound words (compounds), in particular, adjectives of the type bahuvrihi was peculiar to the ancient greek language from the oldest times (the language of Krito-Mycenaean inscriptions [Казанскене: 85]).

Compound words include two or more words, bases or roots, incorporated in one lexical unit which got the formal grammatical and semantic signs of a separate word. Basic semantic signs of compound words are: semantic get-up (the ability to mark a whole concept), indivisibility, strictly fixed order of components, grammatical unity in all its syntactic functions.

Compound adjectives of the type bahuvrihi in the epos of Homer are distributed into two unequal in number groups in accordance with their semantic structure: words idiomatic and unidiomatic. The analysed adjectives, as a rule, are monosemantic. Their meaning is determined by crossing of two semantic units: the first basis indicates to a sign, the second – to its reference (reference of the sigh) to a certain phenomenon of reality.

Analysis of structural models of compound adjectives-bahuvrihi in the epos of Homer shows [Хуторна], that the most often we can see adjectives in the role of the first component. In accordance with the variety of their meanings, it is possible to select five the most numeral lexically-semantic groups (LSG), namely:

1) LSG “size” (28 examples). It denotes the size of an object in general, irrespectively to the orientation of measuring (e.g. *μέγας*), and lexical units, characterizing the size of an object at the directed measuring. There are the adjectives which have seme: 1) “size” (*μέγας*): *μεγακήτης* – with a large belly; 2) “length” (*ταναός, δολιχός*): *δολιχεγχής* – with a long spear; 3) “width” (*εuryός*): *ευρυμέτωπος* – with a wide forehead; 4) “depth” (*βαθύς*): *βαθοδίνης* – with deep water-whirl; 5) “height” (*άκρος*): *ακρόκομος* – with hair on an apex.

2) LSG “form or outward appearance” (9 examples). LSG includes adjectives, which indicate at the form of inanimate or outward appearance of living creatures. The first component of bahuvrihi is a synonymous row of adjectives *αγκύλος, κυλλός, κάρχαρος, γαμψός*, which have the meaning “curved”, and antonymous sign, expressed by the adjective *ορθός* – direct. To this LSG belong also adjectives which have seme “with a complicated form”: *ούλος* – curly; *ποικίλος* – complicated. E.g.: *γαμψώνυξ* – with the hooked nails.

3) LSG “color” (18 examples). Among the names of color there are two rows of words: words of the first order, which make basis (kernel) of all the category (the direct names of colors), and words of the second order, which semantically unite round the first [Критенко: 97] and originate from the names of different objects. In the epos of Homer color is directly marked by such adjectives as: *λευκός* – *white*, and *μέλας* – *black*. A separate place occupies the group of adjectives indicating at the presence or absence of light, brilliance, sowing, namely: *λευκός* – *light*, *λιπαρός* – *brilliant*, *αργής* – *shining*, *αιόλος* – *variegated*, and also: *κνανός* and *κελαινός* – *dark*, less common colors: *αιθός* – *red*, *πολιός* – *grey*. E.g.: *μελάγχροος* – *with a dark skin*, *αργίπους* – *with white (light) legs*.

4) LSG “quantity” (42 lexemes). Adjectives *οἶος* – *one, unique*; *ομός* – *the same, one*; *ἄκριτος*, *δασύς* – *thick* denote the quantity and characterize (un)countable words: *ακριτόφυλλος* – *leafy*. The most frequent adjective *πολύς* (*numerous*) indicates at an inexact quantity of denotatum: *πολύμυθος* – *loquacious*.

5) LSG “activity and speed of action” (13 compounds). Such adjectives-synonyms as *ωκύς*, *ταχύς* and *αιόλος* – *rapid* are used in the role of the first component. They connect with nouns, which mean animals, parts of body of people and animals, and give them mostly positive description: *ωκύπους* – *light-footed*. To the 5th LSG also belong compounds denoting physical properties of an object by the first component *κραταῖός*, *κρατερός* – *strong*, *ἄρτιος* – *healthy*, e.g.: *κραταίπους* – *with strong legs*.

Nouns, which are characterized with the widest expressive possibilities, the most frequently are used in a role of the second component of the analysed compound adjectives. Depending on the meaning, nouns are divided into such LSG: 1) nouns, which denote people, parts of their body, hairs, clothes: *βαθύζωνος* – *with the low girdled belt*. 2) LSG of nouns with the semantic meaning of “sounding”: *πολυηχής* – *polyphonic*. 3) LSG “animals”. The group includes names of domestic animals and parts of their body: *πολύαρνος* – *which has a lot of herds*, *ταναύπους* – *long-legged*. 4) LSG “abstract concepts”. The majority of such compound adjectives are used in the direct sense, although it can be idiomatic: *μεγάθυμος* – *courageous*. 5) LSG of nouns which denote growing wild and home plants. The majority of these compounds are unidiomatic: *ακριτόφυλλος* – *which has thick leaves*. 6) LSG of nouns denoting defensive and offensive weapon and its parts: *αιολοθήρηξ* – *which has a brilliant armour*. 7) LSG of nouns denoting parts of ship or ship landing stages: *δολιγήρετος* – *with long oars*.

So, the consideration of semantic structure of compound adjectives of the type bahuvrihi in the epos of Homer shows, that the components of compound

word are variously correlated with the general meaning of a compound word. They are divided into idiomatic bahuvrihi a meaning of which can be figurative, and unidiomatic bahuvrihi (~80%).

The semantic analysis of components of the bahuvrihi shows: adjectives used as the first component of compound words have been divided into 5 LSG. The most numeral is LSG “quantity” (35% of the general amount of adjectives). Nouns used as the second component of bahuvrihi have been divided into LSG-s meaning people, animals and parts of their body (which are the most numeral ~20,5%), ship and its parts, different abstract concepts etc.

A large number of Homer’s compound adjectives-bahuvrihi can be explained by the opinion that “language often have a necessity to express two ideas in one word” [Винокур: 46]. And that is not only the question of the economy of language means, but also the fact of confluence of two words in one, creating a qualitatively new unit of language, which differs not only by a whole get-up but sometimes develops a new semantic meaning.

Литература

- Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-Микенский период. Л., 1986. 208 с.
Кретенко А.П. Семантична структура назв кольорів в українській мові // Славистичний збірник. Київ, 1963. С. 97–111.
Савельева О.М. О специфике формирования значения составных слов // Вопросы классической филологии. М., 1973. Вып. V. С. 182–195.
Хуторна Х.І. Структурні типи складних приметників типу бахувріхі в гомерівському епосі // Мова і культура. Київ, 2007. Вип. 9.Т. VI (94). С. 252–258.

Образ и функции судьи в амебейном агоне буколической поэзии

Смирнова Анна Сергеевна

Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

Судейство в античных амебейных агонах буколической поэзии (Феокрыт, Вергилий, Кальпурний и Сarm. Einsidl. 1) отличается от судейства в драматических состязаниях. В амебейных агонах судейство не подчиняется строго установленным правилам (напр., в определении продолжительности агона, в вынесении вердикта). Тексты буколических агонев позволяют определить общие закономерности буколического судейства, сопоставить образы судей в греческих и латинских амебейных агонах и выявить мотивации судебного решения.

1. В амебейных агонах буколической поэзии один судья – это случайно оказавшийся неподалеку человек, знакомый обоим певцам (*Theocr.* 5, 63 слл.; [8], 25 слл.; *Verg. Ecl.* 3, 50 слл.; *Calp.* 6, 28 слл.). Судьями могут быть сами певцы, когда они не состязаются (*Calp.* 6). Особый случай судейства в агоне *Verg. Ecl.* 7: двое слушателей-судей.

2. Певцы относятся к судье с уважением, они просят его быть беспристрастным и справедливым (*Theocr.* 5, 68–71; *Verg. Ecl.* 3, 53 слл.; *Carm. Eins.* 1, 13) и не быть легковверным к напыщенным словам (*Calp.* 6, 29).

3. В идиллиях Феокрита корпуса (*Theocr.* 5; [8]) судья не произносит ни слова до самого конца состязания; его задача – назвать победителя. В латинских буколиках судья становится практически третьим персонажем агона (*Verg. Ecl.* 3, 55–59; *Carm. Eins.* 1, 19–21; *Calp.* 2, 21–26); он отклоняет заклады (*Calp.* 2, 22–24) и даже определяет темы агона (*Calp.* 6, 69–75).

4. Агон может завершиться (прерваться) по инициативе судьи (*Theocr.* 5, 138–140; *Verg. Ecl.* 3, 108–111), а также по желанию самих певцов (*Theocr.* [8] 81; *Calp.* 2, 99). В *Theocr.* 5 судья, видя, что состязание вот-вот перерастет в обычную перепалку (ср. *Calp.* 6), не дает ответить второму певцу и останавливает состязание. В *Verg. Ecl.* 3 судья прерывает агон для повседневных забот.

5. Вердикт судьи может указывать на мотивации, не вытекающие из агона, а связанные с меркантильными интересами и субъективными соображениями судей (*Theocr.* 5; [8]; *Verg. Ecl.* 3). Возможно, что в *Theocr.* 5 на решение судьи повлияло искушение поживиться, получив от победителя плату за свой труд. В *Theocr.* [8] победа мотивирована личным отношением судьи к победившему певцу: судье нравится восхитительный голос и пленительные уста певца (ср.: *Calp.* 6, 1–16).

Образ судьи в греческом агоне выражен менее отчетливо по сравнению с образом судьи в латинских агонах; вместе с тем обнаруживается, что греческий судья преследует свои собственные цели в исходе агона, а у латинских поэтов судейство выглядит более объективным.

Трактовка Коринфской войны в диалоге Платона «Менексен»

Солнцева Ирина Викторовна

Студентка Высшей нормальной школы, Париж, Франция

«Менексен» – небольшой диалог, датируемый обычно 386 г. – один из самых загадочных платоновских текстов. Большая часть его – Надгробная речь, произносимая Сократом в честь погибших на Коринфской войне – содержит столь значительные исторические искажения и преувеличения, идеализирующие поведение Афин, что большая часть исследователей предлагает трактовать диалог как пародию или сатиру на традиционную хвалебную риторику. Если искажения в описании Греко-персидских войн в некотором роде неизбежны для жанра Надгробной речи, то особенно сложно их интерпретировать в описании войны Коринфской (244b – 246a), которую Лисий, например, в своей речи упоминает бегло и расплывчато, а Платон противопоставляет в ней доблесть афинян предательству греков, заключивших союз с персами, продав им малоазийских греков.

В нашем анализе текста мы исходим из представления, что ценность исторического описания для Платона не в соответствии историческим фактам, а в лежащей в основе его парадигме. История для Платона в «Менексене», как и в «Государстве», «Политике», «Законах» – своеобразная форма, близкая к мифу, позволяющая доходчиво выразить идейное содержание.

Представим в виде таблицы основные характеристики поведения трех основных участников описания: афинян, греков и персов.

αφηνιανε	Γρεκι	персы
ἐκεῖνους ἔσωσαν (244c) τὴν σωτηρίαν γενέσθαι (244d), ἀεὶ λῖαν φιλοκτίρμων ἐστὶ καὶ τοῦ ἥττονος θεραπείς (244e), δουλουμένῳ βοηθεῖν (244e), ἐβοήθησεν (245a), βοηθῆσαι ὁμολογουμένως ἔσωσεν (245a) ἀμῦναι ... δουλουμένοις (244c) τοὺς μὲν τῆς ἐλευθερίας ἐπικούρους (244c) βοηθήσασα ἀπελύσατο δουλείας, ὥστ' ἐλευθέρους εἶναι (245a) μόνοι δὲ ἡμεῖς οὐκ ἐτολήσαμεν οὔτε ἐκδοῦναι οὔτε ὁμόσαι (245c) ἐμονώθημεν πάλιν (245d)	οἷαν χάριν ἀπέδοσαν κοινωσάμενοι τοῖς βαρβάροις (244c) ἀφίκοντο εἰς χρεῖαν τῆς πόλεως (244d) πρὸς ἀλλήλων δουλουμένοις (244c) σφέτερον ... ἔργον εἶναι καταδουλοῦσθαι τοὺς ἄλλους (244cd) πάλιν αὐτοὶ αὐτοὺς κατεδουλώσαντο (245a) τοὺς Ἑλληνας τοὺς ἐν τῇ ἠπείρῳ ... Λακεδαιμόνιοι ... ἐξέδοσαν (245b), ἠθέλησαν γὰρ αὐτῷ ἐκδιδόναι καὶ συνέθεντο καὶ ᾤμοσαν Κορίνθιοι καὶ Ἀργεῖοι καὶ Βοιωτοὶ καὶ οἱ ἄλλοι σύμμαχοι, εἰ μέλλοι χρήματα παρέξειν, ἐκδώσειν τοὺς ἐν τῇ ἠπείρῳ Ἑλληνας (245c)	εἰς τοῦτο ἀπορίας ἀφικέσθαι (244d) δουλουμένοις ... ὑπὸ βαρβάρων (244c)

Как видно из таблицы, афиняне отчетливо противопоставлены грекам по основным характеристикам: помощь – предательство, освобождение завоеванных – завоевание друг друга, поддержка малоазийских греков – предательство их за деньги персидского царя. Показательно место персов в этом описании – они представлены как пассивный участник событий, они то нуждаются в помощи самих афинян, то предлагают деньги за предательство малоазийских греков, в тайне надеясь, что греки возмутятся сделке и откажутся (245bc).

Греки же активно сближаются с персами (начиная с 244c, где упоминается их союз против афинян) и основная их характеристика – стремление к завоеваниям – в точности отражает основную черту персов в описании Греко-персидской войны (см. особ. *πᾶσα μὲν ἡ Ἀσία ἐδούλευε τρίτῳ ἤδη βασιλεῖ, ὧν ὁ μὲν πρῶτος Κύρος ... Μήδους ἐδουλώσατο καὶ τῆς ἄλλης Ἀσίας μέχρι Αἰγύπτου ἤρξεν, ὁ δὲ ὑὸς Αἰγύπτου τε καὶ Λιβύης ὅσον οἶόν τ' ἦν ἐπιβαίνειν, τρίτος δὲ Δαρεῖος πεζῇ μὲν μέχρι Σκυθῶν τὴν ἀρχὴν ὥρῖσατο, ναυσὶ δὲ τῆς τε [240a] θαλάττης ἐκράτει καὶ τῶν νήσων, ... αἱ δὲ γνῶμαι δεδουλωμένοι ἀπάντων ἀνθρώπων ἦσαν: οὕτω πολλὰ καὶ μεγάλα καὶ μάχιμα γένη καταδεδουλωμένη ἦν ἡ Περσῶν ἀρχή* 239d – 240a).

Это совпадение неслучайно и позволяет нам правильно истолковать платоновское объяснение упадка греков через их смешанное с варварами происхождение (245cd). Оно близко тому, что мы увидим в «Критии», где крах атлантов объясняется через возобладание в них человеческой крови над божественной или «финикийскому мифу» в «Государстве», в котором Сократ предупреждает об опасности смешения правителей с представителями низших каст.

В противоположность этому афиняне – автохтоны (237bc), причем, земля не сравнивается Платоном с матерью, как делают другие ораторы, а является матерью афинян – Платон приводит квази-доказательства этого (237d – 238a); ср. «финикийский миф» и миф о «золотом веке» в «Политике»).

Параллели в более поздних диалогах демонстрируют важность намеченных в «Менексене» мотивов для рассуждений Платона об идеальном политическом устройстве. Идея особого происхождения служит в «Менексене» залогом равенства (238e – 239a), а, следовательно, единства граждан, осознания себя как греков и готовности защищать греческие интересы (242d). Именно нарушение внутреннего единства государства приводит к его краху: эта мысль звучит и в рассуждениях Платона о переходе от идеального строя к тимократии, олигархии, демократии и тирании («Государство»), и в рассказе о вырождении идеально уравновешенного строя персов и афинян (III книга «Законов»). В «Менексене» идеальное происхождение афинян служит гарантией того, что с ними вырождение не произойдет. Эта

мифологизация Афин в соответствии с платоновскими представлениями об идеале не может быть объяснена в рамках пародии.

Насколько же пали греки, явно выражено завершающими словами исторической части Надгробной речи: ἀγαθοὶ δὲ καὶ οἱ βασιλεῖα ἐλευθερώσαντες καὶ ἐκβαλόντες ἐκ τῆς θαλάττης Λακεδαιμονίους (246a). Греки и варвары настолько уподобились друг другу, что характеристики, относящиеся к ним, поменялись местами, афиняне славятся за то, что освободили царя персов, как раньше освобождали греков, а спартанцев выгнали с моря, как раньше выгоняли варваров (ἐξέλασαντες πᾶν τὸ βάρβαρον ἐκ τῆς θαλάττης 241d, 243b).

Употребление производных от топонима Sicilia в латинском языке

Сорокина Наталья Сергеевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В латинском языке существуют три прилагательных, производных от топонима Sicilia: Siculus, Siciliensis и Sicelis. Наименее употребительное из них – грецизм Sicelis (gen. Sicelidos), встречающееся в латинских поэтических текстах как эпитет Муз (Verg. Ecl. IV 1) и нимф (Ov. Met. V 412).

Прилагательное Siciliensis употребляется в ряде сочетаний: fretum Siciliense – Мессинский пролив (он также может называться fretum Siculum: Liv. I 2, 5); bellum Siciliense (Suet. Aug. 70, 2); pugna Siciliensis (ibid. 96, 2) и в качестве названия народа у Невия (Naev. 49, 1). Большинство же римских писателей и поэтов предпочитают использовать прилагательное Siculus.

Цицерон – единственный, кто четко разграничивает сферы употребления прилагательных Siculus и Siciliensis.

1. Siculus у него практически субстантивировано и употребляется, в основном, для обозначения мужчин-сицилийцев. Например: si aut hoc a me Siculi non petissent aut mihi cum Siculis causa tantae necessitudinis non intercederet (Caecil. 6) Ср. Liv. XXIII 4, 8: Sicularum urbium. Если это слово и используется в роли прилагательного, то оно, опять же, всегда относится к людям: in castris eius inter Poenos et Siculos milites esse factam (De Div., 1. 50). Исключение составляют сочетания со словами civitas (Cic. Ver. II 120: civitates Siculas) и frumentum (Cic. Ver. III 73).

2. Siciliensis у Цицерона всегда употребляется как прилагательное: magna mihi fuit amicitia iam inde a quaestura mea Siciliensi. omnino nunc ipse Brutius Romae mecum est (Ad fam. XIII 38, 1); Tu ipse ex Siciliensi edicto hoc sustulisti (Ver. I 12).

Известно, что в латинском языке существовали пары производных от топонимов прилагательных: Afer и Africanus, Gallicus и Gallicanus, Hispanicus и Hispaniensis. Gallicus, к примеру, обозначает «галльский», «сделанный в Гал-

лии»: *ager Gallicus* (Cic. Sen. 11), в то время как прилагательные с суффиксами *-an-*, *-iens-* (*Gallicanus*) имеют значение «относящийся к Галлии, галлам», «сделанный в отношении Галлии»: *de ... re Gallicana* (Cic. Quinct. 15). Часто, однако, различие значений стиралось: *papaver Gallicanum* (Cato Hist. 35).

Приведенные примеры показывают, что из всех римских авторов Цицерон наиболее последовательно использует парные производные от топонимов, не смешивая их значений.

Вопрос об авторстве и структуре раннехристианского гимна «Te Deum»

Субботская Наталья Евгеньевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Гимн «*Te Deum laudamus*» принадлежит к числу древнейших и наиболее часто исполняемых гимнов христианской Церкви. На протяжении средневековья и первых веков нового времени этот гимн считался творением св. Амвросия Медиоланского, и обычно назывался просто *Hymnus Ambrosianus*.

С середины XIX в. (работы Ж. Морена и П. Батиффоля) авторство и датировка гимна «*Te Deum laudamus*» представляют предмет дискуссий и исследований учёных-филологов. В целом прослеживаются четыре традиции определения авторства гимна «*Te Deum*»:

1) Традиция, берущая начало в конце VIII в. и упоминаемая в трактате Гинкмара Реймского (середина IX в.) «О предопределении». Согласно этой традиции авторство приписывается св. Амвросию Медиоланскому, со ссылкой на сказание о том, что этот гимн был импровизирован совместно свв. Амвросием и Августином при крещении последнего в 387 году н.э. В настоящее время атрибуция авторства гимна Амвросию большинством исследователей отвергается на следующем основании: до VIII в. гимн св. Амвросию не приписывался, и никаких следов легенды об его авторстве не было. Сам же гимн был известен на Западе уже в первой половине VI в.: без имени Амвросия он упоминается в монашеском уставе св. Бенедикта Нурсийского [Адамов: 104].

2) Восходящая к IX в. традиция, упоминаемая франкским монахом Аббоном Флерийским в письме к британским монахам (кон. X в.), приписывает авторство святому Иларию Пиктавийскому.

3) С X в. прослеживается традиция атрибуции гимна некоему Никите или Никетию, которого некоторые исследователи [Dom Morin; Burn; Vatiffol] отождествляют со св. Никитой Ремезианским (353–420). Данная традиция находит отражение в десяти ирландских рукописях X в. и принимается одними исследователями в качестве убедительной [Burn: 259–262], другими же в качестве допустимой [Henry].

4) Четвёртая традиция авторами гимна называет святого вестготского короля Сизебута и св. Авундия Римского. Эта традиция прослеживается в ватиканском кодексе *Cod. Vat. 4928*, датируемом XII в.

Анализируя структуру гимна «Te Deum», ряд исследователей приходит к выводу, что этот гимн в действительности представляет собой компиляцию двух отдельных гимнов и стихов Псалтири [Steiner, Falconer]. Анализ позволяет выделить в гимне три основные части:

а) Первая часть (ст. 1–10) – гимн Богу-Отцу. Эта часть признаётся наиболее древней на основании мелодии (*cantus firmus*), а также в силу наличия почти дословной параллели стихам 7–9 и 21 в трактате св. Киприана Карфагенского «О смертности» (252 г. н.э.): «Illic apostolorum gloriosus chorus; illic prophetarum exsultantium numerus; illic martyrum innumerabilis populus ob certaminis et passionis gloriam coronatus; triumphantes virgines, quae concupiscentiam carnis et corporis continentiae robore subegerunt; remunerati misericordes», в то время как в «Te Deum»: «Te gloriosus apostolorum chorus; te prophetarum laudabilis numerus; te martyrum candidatus laudat exercitus» (ст. 7–9) и «Aeterna fac cum sanctis tuis gloria munerari» (ст. 21).

б) Вторая часть (ст. 14–21) – представляет собой гимн Богу-Сыну. Этот гимн относят к IV в., так как его структура определяется позднелатинскими правилами *cursus*'а.

в) Третью часть (ст. 22–29) составляют отдельные стихи-прошения из псалмов 28, 145, 123, 33, 31 (нумерация приводится по древнееврейской Библии) и книги пророка Даниила 3, 26. Эта часть считается наиболее поздней [Steiner, Falconer].

Теория возникновения гимна из двух различных по происхождению частей представляется наиболее убедительной в свете рассмотрения структуры гимна.

Литература

- Адамов И.И. Святитель Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 2006.
Batiffol P. Mgr. Histoire du Bréviaire Romain. Paris, 1893.
Burn A.E. An Introduction to the Creeds and to the Te Deum. London, 1899.
Henry H.T. The Te Deum // The Catholic Encyclopedia. Vol. XIV. New York, 1912.
Morin G. Dom Te Deum // Revue Bénédictine. № 11. 1894.
Steine R., Falconer K. Te Deum // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. New York, 2001.

**Комедия Плавта «Ослы (Asinaria)» в переводе А.Н. Островского.
К истории вопроса**

Филиппов Вячеслав Валерьевич

Студент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

А.Н. Островский в 1884 г., за два года до смерти, определял свое земное предназначение так: «Моя задача – служить русскому драматическому искусству». Борьба за родной театр и национальную драматургию принесла писателю огромную славу, признание его отцом русского театра, но в сознании потомков его заслуги перед отечественной культурой как переводчика высокой западной драматургии оценены в меньшей степени. Причиной тому, по всей видимости, явилась не только слава создателя отечественного театра, в которой померкли все другие заслуги, но и неудавшаяся постановка его переводных творений на сцене, а, кроме того, резкость, с которой А.Н. Островский обрушивался на переводную драматургию своего времени. Возможно, поэтому в глазах современников и потомков его деятельность как переводчика казалась делом не первостепенным.

Действительно, в статье «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России» А.Н. Островский рассматривает чрезмерную распространенность переводного репертуара как одну из причин упадка национального театра. Однако А.Н. Островский, обладавший завидным литературным чутьем, прекрасно понимал, что в зарубежной драматургии полезно, а что приносит вред, и боролся он не против переводов в принципе, а против так называемой литературной бесхудожественности и профанации.

Поэтому для самого А.Н. Островского перевод третьестепенным делом никогда не был: им создано более сорока переводов и переделок: с латинского (три пьесы), английского (четыре), французского (восемь), итальянского (двенадцать), испанского (двенадцать) и украинского (одна) языков. Отметим, что в полном собрании сочинений А.Н. Островского переводам уделяется всего лишь один том, в котором некоторые переводы, например, с латинского языка, только упоминаются, но не публикуются.

Все вышеизложенное обуславливает важность изучения и интерес как к переводческой деятельности русского драматурга в целом, так и к отдельным его переводам в частности. Мы обратились к переводу комедии Плавта «Ослы» и поставили перед собой задачу не только рассмотреть творение А.Н. Островского с точки зрения поэтики перевода, но и ответить на вопрос, почему в начале своей переводческой карьеры писатель обратился именно к этой комедии Плавта.

На сегодняшний момент рукопись А.Н. Островского с переводами пьес Плавта и Сенеки (небольшой фрагмент перевода трагедии «Ипполит») находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Еще одна

пьеса, переведенная с латинского языка, комедия Теренция «Свекровь», была опубликована в 1923 году филологом-классиком А.И. Малеиным в книге «Памяти А.Н. Островского. Сборник статей об Островском и неизданные труды его». Рукопись находится в Петербурге, в Пушкинском Доме.

Работу над переводами римских комедиографов А.Н. Островский начал, по-видимому, в 1850 году, в письме М.П. Погодину во второй половине июля 1850 года мы читаем: «За Плавта примусь и, вероятно, кончу скоро» [Островский: 17] ; во второй половине августа того же года сообщает: «Азинарию на днях кончу» [Островский: 18]. В. Маликов и Н. Томашевский предполагают, что А.Н. Островский этими переводами преследовал лишь «студийные цели» [Маликов, Томашевский: 607]. Однако в начале сентября 1851 года из письма все тому же М.П. Погодину узнаем: «Плавтова комедия готова, и печатайте ее хоть сейчас» [Островский: 34]. Несмотря на то, что, как мы видим из переписки, сам А.Н. Островский считал «Asinaria» законченным переводом, Погодиным пьеса напечатана так и не была. В последующие годы увлечения античным театром в творческой биографии А.Н. Островского мы больше не находим.

При переводе «Ослов» А.Н. Островский достигает, в общем и целом, большой близости к оригиналу, порой почти подстрочной. Драматург переводит комедию, не сохраняя метрической структуры, но при этом количество строк в переводе почти точно соответствует оригиналу. Мы имеем полное право говорить о том, что перед нами не просто сплошной прозаический текст, но именно перевод драматического произведения, выполненный для постановки на сцене. Переводчик, меняя форму, все же, стремится посредством словесных комбинаций и определенной структуры предложения вызвать определенный отклик у реципиента, в нашем случае, у читателя и у зрителя одновременно. Сравним: *accipit uxor ac virum e lustris rapit* – «приходит жена и мужа с пирушки уводит», или *sub imperio vivens volt senex uxorio* – «старый отец, под властью жены живущий». Текст при этом не кажется трудночитаемым и не содержит ни тени искусственности. При переводе комедии, тем более, такого автора как Плавт, это было бы, конечно, совершенно недопустимым, так как особенностью языка Плавта является прежде всего легкость, близость к простонародной, общеупотребительной латыни с множеством бытовых выражений, непристойных слов и архаизмов, чем этот автор и был так близок зрителям своего времени. В работе А.Н. Островского наблюдается забота и о чистоте русского языка, желание передать комедию языком, наиболее близким к разговорному. В рукописи встречаются карандашные поправки, которые свидетельствуют о постоянном стремлении драматурга улучшить текст. А.Н. Островский не просто черпает материал у Плавта, но создает язык, сообразный ус-

ловиям, месту и своему времени, сохраняя при этом ясность стиля, картинность, эмоциональность и силу воздействия римского комедиографа.

Заметим, что перевод драматических произведений представляет собой особенную трудность, поскольку в драме душевный эффект создают слова и синтаксические конструкции, которые служат основным оружием в защите и нападении. Комическое у А.Н. Островского, как и у Плавта, достигается умением выбрать нужные слова и обороты, сочетать их так, чтобы диалоги комедии вызывали у читателей и зрителей неподдельный смех. Любовь римского народа к Плавту возникла вследствие демократичности языка и стиля, что великолепно осознал и талантливо сохранил в своем переводе наш великий драматург, рассчитывавший на понимание своих переводных трудов со стороны русской публики.

Литература

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1953. Т. 14.

Маликов В., Томашевский Н. Островский-переводчик // А.Н. Островский. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1953. Т. 10.